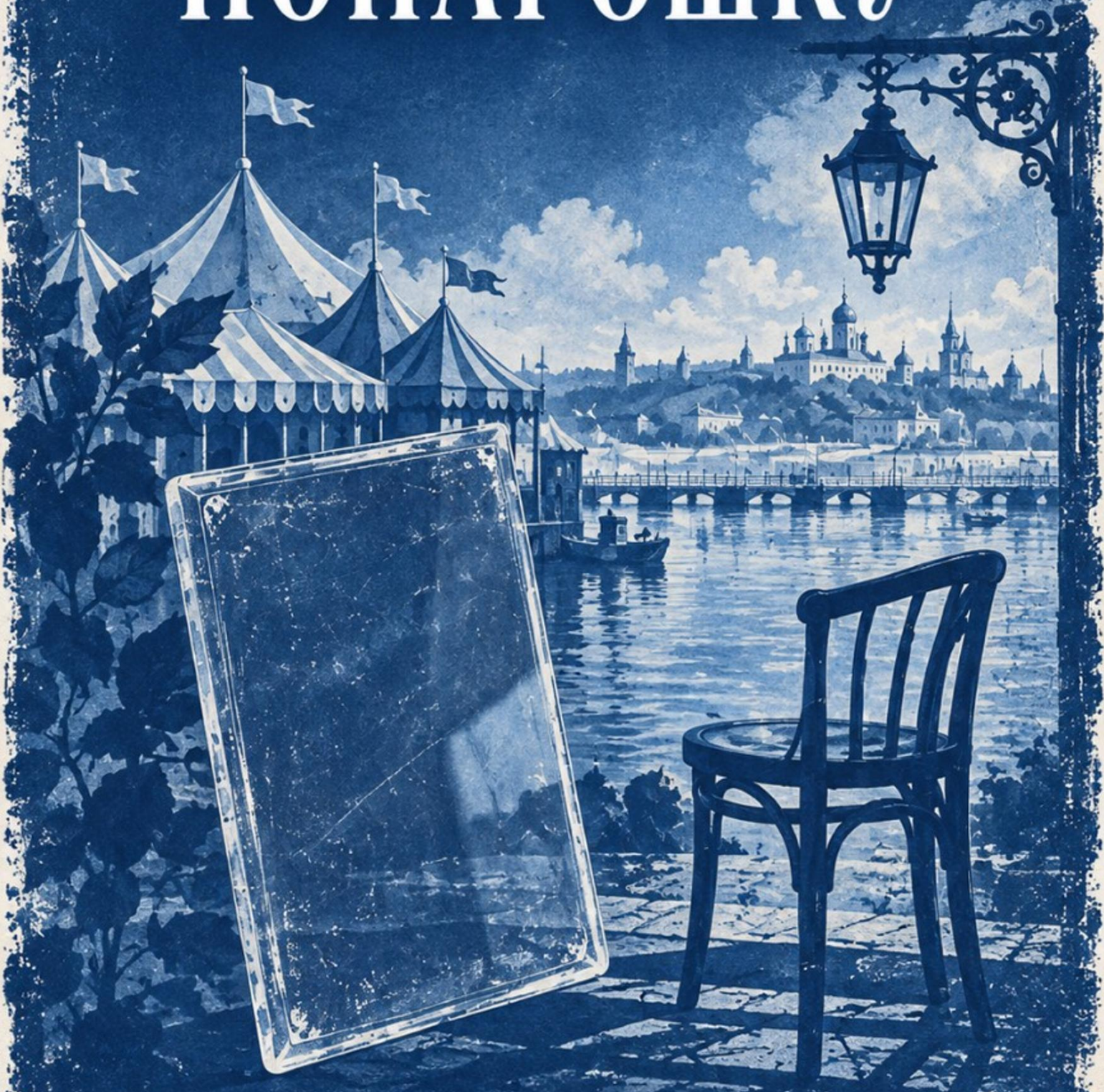

ПОХИЩЕНИЕ ПОНАРОШКУ

А.М. Сунгурский

А.М. Сунгурский

Похищение понарошку

«Автор»

2026

Сунгурский А.

Похищение понарошку / А. Сунгурский — «Автор», 2026

Нижегородская ярмарка, 1913 год. Агния Шелехова мечтает учиться живописи в Париже и знает, как получить деньги от упрямого отца: нужно нанять себе похитителей. Фотограф Костя находит портниху, борца и удобное место, где пленница сможет дожидаться выкупа. Двенадцать тысяч рублей должны устроить жизнь всем четверым. Но в назначенный час денег нет. У отца их тоже уже нет. Пока ярмарка торгуется, пакует ящики и готовится разъезжаться, сообщники ищут чужие руки, вмешавшиеся в их почти приличное дело. У каждого теперь есть причина торопиться и кое-что, о чём хочется промолчать. А Косте всё труднее обещать Агнии счастливый конец: она ему нравится гораздо больше, чем собственный план.

© Сунгурский А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Париж на двух гвоздях	5
Глава 2. Деньги на правильную жизнь	12
Глава 3. Люди для приличного дела	18
Глава 4. Как пропадают люди	24
Глава 5. Кровать с ценником	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

А.М. Сунгурский

Похищение понарошку

Глава 1. Париж на двух гвоздях

Эйфелева башня держалась на двух гвоздях, бельевой верёвке и обещании Константина Лебедянцева заплатить до конца недели. Гвозди пока выдерживали. С обещанием дело обстояло хуже.

— Слезай, — сказал он мальчишке, который уже стоял на табурете и отвязывал верхний угол холста. — Там дама снимается.

— Дама вышла.

— Другая дама.

Мальчишка посмотрел вниз. Перед расписным задником сидел крупный мужчина в светлом пиджаке. На коленях он держал снятую фуражку, а левую руку положил на гипсовую балюстраду. Балюстрада изображала край французского балкона и была ниже его колена.

— Я не дама, — сообщил мужчина.

— Тем более не шевелитесь. У вас прекрасно поставлено плечо.

Константин придержал холст снизу. На нём были нарисованы деревья, голубоватая река и башня, которую художник видел только на открытке. Из-за неудачного сгиба средняя часть башни чуть уходила в сторону. Константин обычно усаживал перед ней кого-нибудь широкого.

— Хозяин сказал забрать, — объяснил мальчишка. — И табурет.

— Табурет мой.

— Тогда другой.

— Другого нет.

Мальчишка оглядел маленький павильон с таким вниманием, будто второй табурет мог прятаться за человеком. Затем дёрнул верёвку. Париж сложился надвое; верхушка башни легла мужчине на шляпную коробку.

Константин успел подхватить холст прежде, чем тот задел камеру.

— Я заплатил за Францию, — сказал клиент.

— Франция будет.

— Когда?

— На снимке. Вы же не собирались в ней оставаться.

Он произнёс это с улыбкой, которую обычно принимали за приглашение пошутить. Мужчина не принял. Он встал, и балюстрада качнулась от толчка его колена. Константин одной рукой удерживал Париж, другой — край балюстрады. Мальчишка, освободившийся от лишней тяжести, прыгнул с табурета и стал сворачивать нижний конец холста.

— Оставь деревья, — сказал Константин сквозь зубы.

— Он цельный.

На улице, за открытой передней стенкой павильона, женщина засмеялась. Константин поднял глаза.

У неё было простое серое платье, слишком хорошо сшитое, чтобы быть дешёвым, и небольшая шляпа с тёмной лентой. Перчатки она держала в руке. На груди блеснула овальная брошь; когда женщина повернулась к вывеске, в оправе мелькнуло белое женское лицо.

Константин решил, что она смеётся над надписью «Художественные портреты. Европейские виды». Надпись была совершенно честной. Виды действительно европейские; беда заключалась в том, что они принадлежали другому человеку.

— Снимите его здесь, — сказала женщина.

Она показала на проход между торговыми помещениями. Там виднелись кусок настоящего неба, крыши, высокий воз с рогожами и человек, который, стоя на возу, принимал снизу свёртки. На переднем плане лежала кучка конского навоза.

— Я приехал торговать, — возразил клиент. — Чего мне с торговлей сниматься?

— А куда вы пошлёте карточку?

— Жене.

— Ей, вероятно, приятно будет узнать, что вы добрались именно на ярмарку.

Мужчина подозрительно посмотрел на неё, потом на Константина. По его лицу было видно, как одно благоразумное соображение борется с другим: жена, несомненно, знала, куда он уехал, но парижская башня могла дать ей повод для лишнего вопроса.

— Лошадь там не попадёт?

— Лошади не будет, — пообещал Константин.

— И это.

— Этого тем более.

Пока мальчишка выносил холст, женщина шагнула в павильон и подставила ладонь под край балюстрады. Она держала её спокойно, не стараясь показать, что спасает чужое дело. Константин перехватил тяжёлую гипсовую вещь обеими руками, поставил к стене и вынес камеру ближе к выходу.

Клиента пришлось развернуть так, чтобы свет не бил ему в лицо. Тот поначалу сжал фуражку перед животом, но после нескольких просьб повесил её на палец. За его плечом прошла девочка с корзинкой, остановилась посмотреть и получила от женщины короткий знак отойти. Воз с рогожами покатился вперёд. Константин дождался, пока заднее колесо выйдет из выбранного им места, и поднял голову из-под тёмной ткани.

— Теперь. Только лицо оставьте ваше.

— А какое же ещё?

— Вы сейчас делаете лицо человека, которому задолжали. А вы человек, приехавший зарабатывать.

Клиент хмыкнул. Константин снял его прежде, чем хмыканье превратилось в улыбку.

Когда всё было закончено, мужчина потребовал расписку, долго выяснял, к которому часу можно прийти за карточками, и наконец ушёл. У поворота он оглянулся на павильон — проверить, не складывается ли вслед за Францией вся фотография.

Женщина тоже проводила его взглядом.

— Вы ему ничего не вернули.

— Он получит превосходный портрет.

— Он покупал другой.

— Сударыня, тот был бы гораздо хуже. Взгляните на балкон. Разве можно приличному человеку стоять на таком балконе? Ноги у него начинались бы из Сены.

Она улыбнулась, но денег он так и не достал. Они оба это заметили.

— Благодарю за содействие, — сказал Константин. — Если желаете сняться, я сделаю вам уступку.

— В чём?

— В цене.

— А я думала, в характере.

Она вошла под навес и посмотрела на образцы. Константин вывешивал лучшие лица в наружной раме, а самые дорогие оправы — внутри. Снаружи прохожему хотелось быть красивым; внутри, когда решение уже принято, ему хотелось быть достойно окружённым.

Женщина задержалась перед портретом купеческой четы. Муж сидел, жена стояла позади него, положив руку на спинку кресла. Другая её рука исчезала в пышных складках платья.

— Вы всем предлагаете так вставать?

— Только тем, кому это идёт.

— А ему идёт сидеть?

— Он за двоих платил.

Она повернулась к нему. Константин ожидал нового смешка и приготовил ещё одну любезность, но она смотрела серьёзно.

— Вы это сейчас придумали или всегда так считаете?

Он не ответил сразу. За полотняной перегородкой, которой была отгорожена тёмная часть павильона, стоял таз с водой; надо было сменить её, убрать пластины и отнести хозяину задника хотя бы часть денег. Вместо этого он разговаривал с незнакомой женщиной, не сделавшей ни одного заказа.

— Приходите с тем, кто за вас заплатит, — сказал он. — Я посажу вас обоих.

— Я могу заплатить сама.

— Тогда тем более.

Она выбрала стул. Не кресло с кривым бархатным подлокотником, которое он хранил для дорогих заказов, а простой стул возле перегородки.

— Только без балкона. И без цветов.

— Пожалуйста.

— И не делайте мне талию уже.

Константин осмотрел её с профессиональным вниманием.

— Я ещё ничего вам не сделал.

— На образцах сделали.

— На образцах люди довольны.

— Я хочу узнать себя.

Она сняла шляпу. Волосы под ней оказались тёмными, гладко убранными; у виска выбилась тонкая прядь, которую она попробовала пригладить пальцем. Константин попросил оставить. Вслед за прядью остался и чуть приподнятый подбородок — она не опустила его, когда он предложил.

Серое платье на фоне голых досок выглядело лучше, чем на фоне Парижа. Он увидел это сразу, и на несколько минут досада прошла. У женщины был широкий рот, прямой нос и живое, не вполне послушное лицо. Стоило попросить её смотреть чуть в сторону, как она начинала смотреть именно туда, куда ей самой хотелось. Он переставил камеру.

— Неудобный я человек? — спросила она.

— Для этого света — очень.

— А для другого?

— Другой я вам не предоставляю.

Теперь засмеялся он. Она ответила не сразу, будто решила сначала, заслуживает ли он этой маленькой уступки.

Он попросил её спокойно положить руки. Она сцепила пальцы, потом разняла. На левом большом пальце возле ногтя виднелось тёмное пятнышко.

— Чернила?

— Тушь.

— Рисуете?

— Да.

— Значит, знаете, как трудно работать, когда натура разговаривает.

Она замолчала, но выражение лица сохранила. Он успел снять и это.

За готовым портретом он предложил прийти завтра. Женщина сказала, что подождёт хотя бы до проявления: ей хотелось убедиться, что выражение получилось не сердитым.

— На стекле вы его всё равно не разглядите как следует.

— Вы разглядите и скажете.

— Так я могу сказать завтра.

— А я могу спросить сейчас.

Она произнесла это без повышения голоса, словно они играли в одну игру и условие было вполне справедливым. Константин понял, что уйти её не заставит. Он предложил подождать снаружи, пока закончит работу с пластинами, и задвинул занавеску.

В темноте легче думалось о деньгах. Он вытащил из кармана то, что получил утром, пересчитал на ощупь монеты, потом убрал. На задник не хватало; на обед хватало, если есть одному. С женщиной, конечно, пришлось бы идти в место получше, но приглашение могло оказаться полезным. Она носила дорогую брошь и не спрашивала заранее цену портрета.

Он уже начал подозревать, что это не столько хорошее качество клиентки, сколько опасный недостаток самого разговора.

* * *

Агния ждала у входа в павильон, наблюдая, как над соседней лавкой закрепляют новую вывеску. Один работник придерживал доску, другой забивал гвоздь, а хозяин снизу требовал поднять левый край. Работники подняли правый. Хозяин объяснил, что левый — это с его стороны. После короткого спора вывеску сняли совсем.

Здесь всё делалось при посторонних. Торговались, ругались, ели, занимали деньги, носили тяжести, поправляли одежду. Даже ложь произносили почти открыто, успевая только прикрыть её подходящей улыбкой. Агнии нравилось, что у каждого занятия имелся видимый результат: сшитый рукав, перенесённый ящик, проданная вещь. У неё самой после целого дня мог остаться рисунок, который отец переворачивал обратной стороной, прежде чем поставить на него стакан.

Она не собиралась выбирать первого попавшегося человека. Уже два дня ходила по ярмарке, присматривалась, заговаривала с людьми под предлогом покупки. Мужчина у балагана слишком охотно предложил ей любую услугу; в его согласии не было даже любопытства. Бывший знакомый брата подруги, которого ей называли надёжным человеком, пожелал узнать её фамилию ещё до того, как спросил о деле. Фотограф пока не знал ничего, кроме того, что она рисует, и всё же успел дважды возразить.

Агния достала маленькую книжку. На одной странице были записаны расходы на поездку. Строки шли тесно, а внизу, отдельно от них, стояла большая сумма. Она не стала пересчитывать. При виде цифр у неё вновь появилось неприятное чувство, что отец сумеет заставить её оправдываться за каждый рубль ещё до того, как она начнёт жить.

С противоположной стороны прохода показался Никанор, старший приказчик отцовской торговли. Он шёл с незнакомым господином и слушал его вполборота, не переставая следить за дорогой. Агния убрала книжку и отступила под навес.

В этот момент Константин вышел из-за перегородки. На нём был чёрный рабочий фартук, руки он вытирал ветхим полотенцем.

— Живы, — сообщил он. — И нисколько не сердиты.

— Я бы хотела посмотреть ещё один образец.

Она шагнула к внутренней стене. Фотограф пропустил её, потом посмотрел наружу. Никанор прошёл мимо, не обернувшись. Незнакомый господин всё ещё говорил; по движению его ладони можно было заключить, что речь шла о чрезвычайно плоском предмете.

— Этот вам не подойдёт, — сказал фотограф.

Агния опустила глаза на карточку, перед которой остановилась. С неё смотрел младенец в кружевной подушке.

— Почему?

— Подушки больше нет.

Она не выдержала и рассмеялась. Он повесил полотенце, снял фартук и пригладил волосы. Вблизи стало заметно, что воротничок у него выстиран старательно, но не новый: на сгибе распушилась ткань.

— Вы кого-то избегаете?

— С чего вы взяли?

— Вы с такой надеждой посмотрели на младенца, будто он мог за вас заступиться.

— Знакомый моего отца.

— Вы обещали отцу быть в другом месте?

— Я вообще ничего ему не обещала.

— Это разумнее всего.

Он снял с гвоздя пиджак. Агния подумала, что сейчас он отправит её прочь; вместо этого он спросил, не желает ли она чаю. Ему необходимо было отойти ненадолго, а здесь оставлять её неудобно.

— Вы боитесь, что я возьму что-нибудь?

— Я боюсь, что здесь больше нечего взять. Вам станет обо мне скучно.

Он запер ящик с пластинами, повесил к входу табличку и задвинул поперечную жердь. Павильон не сделался от этого надёжнее; просто теперь всякий, кто хотел войти, должен был явно показать своё намерение.

Агния пошла рядом с ним. Между лавками стало теснее. Константин пропустил вперёд женщину с двумя узлами, потом придержал Агнию за локоть, чтобы та не попала под край длинного ящика. Руку он убрал сразу, как только ящик пронесли. Она успела заметить, что на его манжете осталось влажное пятно.

Чай они пили за столом под навесом. Фотограф взял ещё хлеба и нарезанной колбасы, объяснив, что утром не успел поесть. Агния была сыта, но всё-таки съела кусок. Он не стал наблюдать, понравилось ли ей, и это неожиданно доставило удовольствие.

— Как вас зовут? — спросила она.

Он назвал себя. Фамилию произнёс отчётливее имени.

— А вы?

— Агния.

Константин немного подождал.

— Этого достаточно?

— Пока вполне. Такого имени мне прежде не называли.

Она приподняла блюдо со стаканом, не касаясь горячего стекла. На соседнем столе мужчина придерживал бумагу локтем и считал на ней столбиком; от каждого движения рукава бумага ползла к луже чая. Агния попросила у разносчика чистое блюдо и протянула соседу. Он прижал им край, поблагодарил и снова занялся числами.

— Мне нужен человек, который умеет устраивать правдоподобные вещи, — сказала она.

Константин перестал жевать.

— Портрет уже заказан.

— Кроме портрета.

— Декорации, как вы заметили, временно затруднены.

— Меня надо похитить.

Он положил кусок хлеба на тарелку. Посмотрел на соседний стол, на проход, затем опять на неё. Агния почувствовала досаду: до сих пор в её мыслях это звучало решительнее. Сказанное за чаем, рядом с колбасой, показалось почти нелепым.

— Куда? — спросил он.

— На несколько дней. А после вернуть.

— Это называется поездкой.

— Мой отец должен думать, что меня похитили.

Фотограф откинулся на спинку стула. Улыбка, на которую она рассчитывала, не появилась.

— Вы с кем-нибудь бежите?

— Нет.

— С замужней судьбой боретесь?

— Если вы спрашиваете, есть ли у меня жених, — нет.

— Тогда зачем?

— Мне нужны деньги.

Он поднял чашечку с горчицей, нашёл под ней чистое место на столе и переставил тарелку. Агния смотрела на его руки и ждала. Ей хотелось, чтобы он быстрее спросил сколько. На этот вопрос она была готова ответить.

— Отцовские? — спросил он вместо этого.

— Да.

— Он вам не даёт?

— Он даёт на всё, что сам для меня выбрал.

— А на то, что выбрали вы?

— Совет одуматься.

Константин отломил новый кусок хлеба, но есть не стал.

— Отец у вас старый?

— Пятьдесят четыре года. И он здоров. Если вы этого опасаетесь.

— Я пока опасаюсь самого предложения.

Она придвинулась ближе, чтобы не повышать голос.

— Ему будет доставлено моё письмо. Я сама напишу, что жива. Со мной ничего не случится. Он заплатит, я вернусь, а потом уеду учиться. Уже без этого разговора каждый день.

— Разговор у вас после этого, кажется, только начнётся.

— Он не узнает.

Фотограф посмотрел на неё так, как недавно смотрел на падающий холст: словно прикидывал, какую часть ещё можно удержать.

— Сколько вам лет?

— Двадцать пять.

— Значит, не от молодости.

Она поставила стакан слишком резко. Чай качнулся через край, попал в блюдо.

— Вы можете просто отказаться.

— Могу.

— И я пойду.

— Можете.

Но она не встала, и он не отвёл глаз. Агния слышала, как за соседним столом мужчина прибавляет вслух ещё двести сорок. Сумма получалась у него неверно; она видела это по перевёрнутым к ней цифрам, но теперь не хотела помогать.

— Двенадцать тысяч, — сказала она.

Константин опустил глаза на хлеб. Потом медленно положил его обратно.

— Вы на что учиться собрались? На владельца железной дороги?

— Это не только ученье. Это жизнь.

— Довольно обеспеченная.

— Я её не скрываю.

— От меня — нет.

Она хотела ответить, но вдруг поняла: он уже думает. Не о том, как отделаться от неё, — об устройстве дела. Его взгляд задержался на броши, затем на книжке, которую она положила возле перчаток. Он ничего не тронул. Агния всё же закрыла книжку ладонью.

— Я не прошу вас ни на кого нападать. И оружия не будет.

— А люди будут?

— Какие?

— Кроме нас с вами. Кто-то должен возить письма. Кто-то — позаботиться, чтобы вас не узнали. Кто-то — принять деньги. Я не умею находиться в трёх местах сразу, хотя один заказчик пытался меня этому научить.

Она впервые за весь разговор ощутила настоящее облегчение. Оно было преждевременным; она понимала это и всё-таки улыбнулась.

— Таких людей вы знаете?

— Да. Именно поэтому не тороплюсь соглашаться.

— Им можно доверять?

— В каком отношении?

— Чтобы они меня не обманули.

Константин посмотрел на неё. Агния сама услышала, что сказала, и покраснела; он, к его чести, не засмеялся.

— Портрет, — произнёс он, — будет готов завтра. Приходите во второй половине дня.

— Это значит, вы согласны?

— Это значит, портрет будет готов.

Он подозвал человека с чайником, попросил счёт и выложил деньги. Агния потянулась к сумочке, но он остановил её движением ладони.

— За чай я приглашал. А за ваше предложение пока никто платить не должен.

Они поднялись. На дорожке Агния надела перчатки и только теперь назвала фамилию. Константин заметно изменился в лице.

— Шелехова? Железный товар?

— Пётр Яковлевич — мой отец.

Он поправил пиджак, хотя тот сидел как прежде.

— Вы его знаете?

— У него хороший замок на конторе.

— Вы снимали?

— Покупал такой же. Не хватило денег.

Она рассмеялась. Он проводил её до широкого прохода, где можно было разминуться с телегой, и остановился. Агния обернулась уже на ходу.

— Завтра, Константин.

Он поклонился.

Возвращаясь к павильону, Константин встретил мальчишку с холстом. Тот сидел на пустом ящике и ел грушу. Париж лежал у его ног, перевязанный той самой бельевой верёвкой.

— Хозяин велел спросить, когда деньги, — сказал мальчишка.

Константин остановился. Из свёртка торчал угол нарисованного неба.

Он едва не ответил: «Завтра». Слово было привычным, удобным и ещё утром ничего бы ему не стоило.

— Не знаю, — сказал он.

Мальчишка с интересом посмотрел на него и откусил от груши с другой стороны.

Глава 2. Деньги на правильную жизнь

Дома Агнию прежде всего спросили, ела ли она.

— Ела, — ответила она.

— Где?

— На ярмарке.

— Что?

Она перечислила. Федосья, служившая у Шелеховых ещё при матери, выслушала с таким выражением, будто Агния призналась в трёх разных несчастьях.

— Отец велел не подавать, покуда не придёте.

— Так я же пришла.

— А он теперь в лавку ушёл.

Агния сняла перчатки и положила их возле зеркала. В передней пахло разогретым воском, супом и отцовским табаком. Из открытого окна доносился стук колёс. После ярмарки дом показался неправдоподобно пустым: здесь каждый звук имел своего виновника, которого можно было позвать и спросить, зачем он шумит.

Шелеховы жили над собственной торговлей на Рождественской улице. На первом этаже лежали замки, петли, засовы, дверные ручки и ещё множество предметов, без которых в мире ничего не держалось бы и не закрывалось. Пётр Яковлевич признавал искусство, когда оно помогало продавать эти вещи. Узорчатую ручку он мог рассматривать долго. На рисунок дочери ему обычно хватало времени между двумя глотками чая.

Агния поднялась к себе. На столе лежало письмо из Петербурга, прочитанное столько раз, что бумага размягчилась на сгибах. Мария, знакомая по прежним урокам рисования, писала о занятиях, о мастерской, где по вечерам не хватало стульев, и о комнате с окном во двор. Комната стоила денег; натурщики тоже; зима в Петербурге, по Марииным словам, стоила вообще всего, что удавалось летом не потратить. Но главное в письме было другое: Мария каждый день делала то, о чём говорила.

Агния достала шкатулку. Пересчитала деньги, хотя знала сумму: двести сорок шесть рублей. Часть оставалась от четырёхсот, подаренных матерью в последний год её жизни; часть Агния прибавила потом, откладывая от денег на платье. Она никогда не считала это добродетелью. Иногда экономила на материи, иногда покупала карандаши, однажды заказала дорогую шляпу, в которой решительно невозможно было работать.

Двести сорок шесть рублей позволяли начать дорогу. До Парижа с ними она не собиралась добираться, но до Петербурга добралась бы. Мария даже предлагала первое время делить комнату.

Агния представила эту комнату. Чужая кровать, чужой умывальник, вечный расчёт, хватит ли на уголь. Потом представила отца, который узнаёт через полгода, что она просит прислать денег. Он пришлёт. Непременно пришлёт. И в каждом рубле будет содержаться его правота.

Она закрыла шкатулку.

На подоконнике стоял глиняный кувшин с отбитым носиком. Сегодня утром Агния пыталась нарисовать его так, чтобы скол не выглядел украшением. Не получилось. Рядом лежали три листа: на одном кувшин оказался кривым, на другом слишком нарядным, на третьем потерял тяжесть и будто висел над столом.

Она села и взяла карандаш.

Минут через двадцать вошла Федосья.

— Теперь уж суп не виноват, — сказала она. — Теперь вы его сами студите.

— Я иду.

Но прежде чем встать, Агния провела ещё одну линию. На этот раз дно легло на стол. Она прищурилась, отодвинула лист и вдруг подумала, что это единственное вполне удачное дело за весь день. Остальное пока было разговором с человеком, который умел продавать Париж, не бывая в нём.

Пётр Яковлевич сидел в столовой, расстегнув нижнюю пуговицу жилета. Перед ним лежала дверная петля, завёрнутая в газету. Федосья поставила суп и убрала петлю на буфет, не спрашивая. Она одна в доме могла переносить отцовское имущество без объяснения пользы.

— Никанор тебя видел, — сказал отец.

Агния села.

— Надеюсь, его это не огорчило.

— Ты сегодня остроумная?

— Пока не знаю. Ничего особенного ещё не сказала.

Он взял ложку. У отца были широкие короткие пальцы, и всякая вещь в них казалась надёжнее. Когда Агния была маленькой, он поддерживал её на ухабах, сидя рядом в пролётке. Она давно уже не помнила лица извозчика, зато помнила отцовский большой палец, прижимающий ткань её пальто.

— Зачем к фотографу ходила?

— Сняться.

— У нас карточек нет?

— У нас нет этой.

Пётр Яковлевич посмотрел на дочь и усмехнулся. Ему нравились ответы, в которых находилась маленькая деловая хитрость. Агния знала это и злилась на себя за то, что всё ещё умела ему понравиться.

— Только мать твою не снимали за такими заборами. В приличное заведение можно было пойти.

— Он хорошо работает.

— Уже видела?

— Завтра увижу.

— Тогда похвалишь.

С этим спорить было трудно. Она съела несколько ложек, дожидаясь, пока отец спросит о другом. Он спросил, зачем слуга переставил сундук в коридоре. Агния объяснила, что сундук мешал открывать дверь. Отец сообщил, что дверь открывалась двадцать лет. Федосья, проходя мимо, сказала, что и сундука там двадцать лет не было. Пётр Яковлевич принял поправку с видом человека, который великодушно разрешает домашним пользоваться очевидностью.

После супа Агния положила перед ним письмо Марии.

— Прочти ещё раз, пожалуйста.

Он не взял письмо.

— Там что-нибудь прибавилось?

— Нет.

— Тогда я помню.

— Она может узнать для меня о занятиях. Нужно ответить.

— Ответь, что здорова. Поклон передай.

— Папа.

Она редко называла его так во время спора. Он поднял глаза.

— Я хочу учиться. Не два раза в неделю, когда придёт человек, которому ты платишь за то, чтобы он сказал, какая я способная. Каждый день. Среди людей, которые умеют лучше меня.

— Очень хорошие люди найдутся. Денег возьмут исправно.

— За петли тоже берут деньги.

— Петлю можешь проверить. Прибил — держит. А тут тебе скажут, что ты гений, и прибить не к чему.

Она засмеялась, не желая смеяться. Отец заметил и сразу смягчился.

— Агнюша, я же не запрещаю карандаши. У тебя их на всю улицу хватит.

— Я знаю.

— Учителя хочешь другого — пригласим.

— Здесь я всё время дочь человека, который платит. Мне даже замечания делают осторожно.

— А ты скажи, чтобы не осторожничали.

— Я говорила. Они после этого осторожно объясняют, что я слишком строга к себе.

Пётр Яковлевич сложил салфетку. Агния поняла, что теперь он приготовился говорить серьёзно. Это было хуже шуток: серьёзность означала, что решение он уже нашёл и останется только объяснить его ей.

— В Петербург на зиму отправлю. К Евдокии. Она одна, ей веселей будет. Наймём тебе учителя или куда там ходят. Восемьсот рублей на первый год дам, сверх дороги. Потом посмотрим.

Агния ждала отказа. От предложения ей стало на мгновение некуда деть приготовленный гнев.

— К тёте?

— К родному человеку.

Евдокия Яковлевна была хорошей женщиной. Она писала длинные письма о здоровье знакомых и умела превратить чужой поздний ужин в известие для всей семьи. У неё в гостях Агния однажды задержалась с подругой до десяти; на следующий день отец прислал телеграмму с просьбой не тревожить тётку.

— Я хочу жить отдельно.

— Зачем?

— Чтобы не отвечать каждый вечер, с кем была и почему.

— Значит, заранее знаешь, что ответить будет нечего.

Она отодвинула тарелку.

Пётр Яковлевич не сердился. Он с таким довольством откинулся на спинку стула, что Агния поняла: спор, по его мнению, уже кончился. Её огорчение он собирался переждать.

— А дальше? — спросила Агния.

— Дальше что?

— Если я захочу уехать во Францию?

— Захочешь — поговорим.

— Опять поговорим.

— Ты что же, собираешься со мной вовсе не разговаривать?

Она взяла письмо и сложила его по старым сгибам. Хотела сказать, что именно это и получается: они разговаривают много, а делать ей приходится только то, что выдержало отцовский разговор. Но слова звучали бы жалобой, а жаловаться после обещанных восьмисот было особенно трудно.

— Ты мог бы просто дать мне мои деньги, — сказала она.

— Которые твои?

— Те, что оставишь потом.

Отец посмотрел на неё долго. Она успела услышать, как внизу протащили по полу ящик: деревянный скрежет прошёл через потолок и замер у стены.

— Это ты хорошо придумала, — сказал Пётр Яковлевич. — Только я ещё здесь.

Агния почувствовала, как горят щёки.

— Я не это имела в виду.

— А вышло это.

Он встал. Разговор мог на том закончиться, и тогда она пошла бы к себе с новой обидой, которую нетрудно было бы выдать за основание для двенадцати тысяч. Но отец не ушёл. Взял с буфета петлю, развернул газету и положил железную вещь перед ней.

— Посмотри.

— Что?

— Вот здесь.

На внутренней стороне было выбито клеймо. Рядом темнела тонкая трещина.

— Партия такая пришла. Часть уже разошлась. Теперь людей ищи, меняй, ругайся. Мне за эту дрянь деньги вернут не завтра. А жалование завтра. И за товар платить. Ты видишь лавку и думаешь: всё, что в ней стоит, моё. А оно иногда уже чужое, только ещё не унесли.

Агния повернула петлю к свету. Трещину попытались затереть; поперёк металла шли мелкие параллельные полосы.

— Это до отправки знали, — сказала она.

— Что?

— Что треснула. Посмотри, тут шлифовали. На хороших так же?

Отец забрал петлю, прищурился, подошёл к окну. Провёл ногтем по железу.

— Никанор! — крикнул он в сторону двери, хотя Никанор был внизу.

Федосья появилась с блюдом.

— Если он вам сверху ответит, я уйду из этого дома.

Пётр Яковлевич не рассмеялся. Он назвал поставщика по фамилии и велел принести счёт.

Агния сидела, глядя на пустое место перед собой. Ей хотелось, чтобы отец ещё раз повернулся к ней и сказал: верно заметила. Он сказал только:

— После обеда зайти вниз. Несколько штук срисуешь крупно, я к письму приложу.

И это тоже было признанием. Не тем, которого она ждала, но настоящим.

* * *

В лавке было прохладнее, чем наверху. Агния села за край приказничьего стола, подложила под лист широкую доску. Никанор принёс коробку петель и два небольших замка. Замки он принёс по привычке: если рядом с человеком было свободное место, его следовало занять товаром.

— Эти не нужны, — сказала Агния.

— Я пока поставлю.

Она подвинула коробку. Никанор подвигал замки вслед за ней, всё ещё не замечая, что делает.

Пётр Яковлевич вышел к покупателю. Агния слышала, как он расспрашивает о толщине двери, затем объясняет, что дорогой замок сам по себе никого не спасёт, если дверь держится на честном слове. Ей знаком был этот голос: весёлый, внимательный, почти ласковый. С покупателем отец никогда не спорил о самом желании. Только о том, чем его лучше исполнить.

Она нарисовала петлю в натуральную величину, рядом увеличила повреждённое место. Не украшала. Выделила следы зачистки и положила карандаш.

Никанор наклонился.

— Вот ведь. Прямо как есть.

— А как ещё?

— На вывесках бывает лучше, чем есть. А здесь не обольщаешься.

Он сказал это с таким одобрением, что Агния улыбнулась.

— Вы сегодня меня у фотографа видели?

Никанор выпрямился.

— Отец спросил, не встречал ли. Я и ответил.

— Я не сержусь. Просто спрашиваю.

— Встречал.

— А с кем вы шли?

— Со здешним посредником. Чекмарёв его фамилия. За подводы говорили: кому после закрытия товар вывозить, кому прежде. Обещает всё устроить. Они все обещают, покуда аванса не дашь.

— Вы дали?

Никанор обиделся.

— Я же у вашего отца служу.

Вернувшись, Пётр Яковлевич долго рассматривал рисунок. Потом положил рядом настоящую петлю, сравнил.

— Хорошо, — сказал он. — Теперь не отвертятся.

Агния потянулась за листом.

— Я ещё подпишу, что увеличено.

— Подпиши.

Она взяла перо. В лавку вошла молодая пара выбирать дверную ручку. Мужчина хотел гладкую, женщина — с листьями. Пётр Яковлевич дал каждому подержать желаемую, а сам тем временем положил на прилавок третью. Через несколько минут они купили третью и ушли, одинаково довольные собой.

Агния смотрела им вслед. Отец мог устроить согласие где угодно, кроме собственного дома. А может быть, и дома устраивал — просто у неё на руках всякий раз оказывалась та ручка, которую он выбрал заранее.

Когда она закончила подпись, он отсчитал ей пять рублей.

— За работу.

— Не надо.

— Ты же хочешь, чтобы всерьёз.

Она взяла деньги. Отказ был бы лёгким и потому особенно соблазнительным. Пять рублей не унижали рисунок; унизить его могла только она сама, если согласилась бы считать, что настоящий заработок непременно должен сопровождаться обидой.

— Спасибо.

— И я тебе спасибо.

Он произнёс это просто, уже перебирая бумаги для письма. Агния подождала ещё мгновение. Потом прижала портфель к боку и пошла наверх.

В шкатулке стало двести пятьдесят один рубль.

Ей следовало бы написать Марии. Можно было бы также вернуться в столовую и сказать отцу, что восемьсот рублей она принимает, а о тётке они ещё поспорят. Этот вечер оставлял ей несколько вполне настоящих выходов. Ни один не требовал фотографа и похищения.

Она вынула из портфеля маленькую записную книжку. Под первоначальным подсчётом поездки стояли суммы, которые с расходами не сходились. Двенадцать тысяч она выбрала после очередного спора: достаточно много, чтобы отец испугался потери, и всё-таки не столько, чтобы он не смог заплатить. Из этой суммы она собиралась выделить три тысячи за помощь. Остальное должно было избавить её от просьб надолго.

Теперь рядом лежали пять заработанных рублей, и большая цифра выглядела иначе. Агния закрыла книжку, но не убрала деньги. Сидела перед ними, прислушиваясь к дому. Внизу стукнула дверь лавки. Отец говорил с Никанором, потом позвал Федосью и спросил, осталось ли что-нибудь сладкое.

Она сняла брошь и положила возле шкатулки. Белое лицо на камее смотрело в сторону. Мать носила её на тёмном бархате; Агния предпочитала серое. Застёжку однажды чинил сам отец: он не доверял ювелиру то, что мог удержать своими пальцами.

Из коридора слышались его шаги.

— Агнюша, спустишься? Арбуз хороший разрезали.

— Сейчас.

Она ждала, пока он уйдёт, и ненавидела собственное ожидание. Потом переложила деньги обратно, надела брошь и открыла дверь.

На лестнице отец остановился, пропуская её вперёд.

— Завтра к фотографу опять?

— За карточкой.

— Принеси, погляжу.

— Принесу.

Это обещание далось ей легко. Она решила, что принесёт ему карточку, если фотограф откажется. А если согласится — тоже принесёт. Из всех будущих поступков этот пока казался самым невинным.

Глава 3. Люди для приличного дела

Клавдия Бекешева стояла на коленях перед женщиной, которая желала стать выше.

Женщина желала этого уже сорок лет, но к Клавдии обратилась только вчера. Теперь на ней было платье с длинными узкими складками, и она смотрела в зеркало так, будто ещё надеялась обнаружить там другого человека. Костя остановился на пороге. Входить прежде, чем клиентка одобрит себя, было опасно: всякий мужчина немедленно превращался в судью, а отвечать за приговор приходилось портнихе.

— Здесь слишком близко к полу, — сказала женщина.

— До пола у всех одинаково, — ответила Клавдия, придерживая подол. — Мы только сверху можем прибавить.

— Я не хочу высокой шляпы. В высокой шляпе я похожа на сахарницу.

— Тогда оставим голову в покое. Повернитесь.

Клиентка повернулась. Клавдия вынула булавку, сделала едва заметную складку возле пояса и снова закрепила материю. Платье перестало пузыриться над бёдрами; женщина распрямилась.

— Ну вот, — сказала она. — Почему нельзя было сразу?

— Теперь можно. Приходите после обеда.

Она увела клиентку за ширму, помогла снять платье, выдала её собственное. Та вышла уже одетой, всё ещё оглядываясь на зеркало. Костя проводил её почтительным поклоном.

— Видел? — спросила Клавдия.

— Видел.

— Я ей спину выпрямила. За складку заплатит, за спину — никогда.

Она упёрлась ладонью в край стола. В маленькой мастерской пахло нагретым утюгом и залежавшимися духами. Вдоль стены висели вещи, у которых было больше прошлого, чем у их нынешних хозяек. Клавдия покупала платье, переделывала, сдавала на вечер, продавала ещё раз; иногда одно и то же кружево успевало побыть вдовьим, невестинным и предназначенным для совсем другого случая. На верхней полке стояли три шляпы с перьями. Под ними, возле печи, сушились детские рукава.

Костя взял стул, стряхнул с него нитки и сел.

— Я могу сделать тебя богатой.

— Ты сперва верни два рубля тридцать.

— Зачем мелочиться в такой день?

— Потому что в другой ты не приходишь.

Он выложил деньги. Клавдия пересчитала и лишь после этого посмотрела на него с любопытством. До сих пор предложение разбогатеть было обычным приветствием; уплаченный долг придавал ему тревожную основательность.

Костя рассказал о девушке. Назвал фамилию, возраст и сумму. Не стал изображать дело безопаснее, чем представлял сам, но поймал себя на том, что произносит слово «несколько» всякий раз, когда речь заходит о днях. На свою долю он рассчитывал получить тысячу и за ночь успел потратить её раз пять. Часть ушла на долги, часть — на хорошую камеру, остальное превращалось в стеклянную крышу настоящей мастерской. Из всех предметов будущего крыша нравилась ему больше всего: под ней не приходилось угадывать, когда туча оставит клиенту лицо.

Клавдия слушала, отпарывая воротник. Когда он закончил, нитка ещё тянулась между её пальцами.

— Ты ей понравился?

— В смысле?

— В том смысле, в каком женщины иногда ошибаются.

— Она ищет исполнителей.

— Это я поняла. А ты-то что ищешь?

Костя показал на потолок.

— Место, где мне не нужно будет платить за чужой Париж.

— На потолке не написано, зачем ты сел в тюрьму.

Он потянулся за воротником, который она положила рядом, и сразу получил по пальцам.

— Не трогай. Уже чистый.

— Я пока ничего не решил.

— Поэтому пришёл, чтобы я решила.

— Чтобы поговорить.

Клавдия отвернула край материи и показала ему мелкие проколы вдоль прежнего шва.

— Вот эту дырявую роскошь мне сдали за половину цены. Сказали: надевали два раза. Два раза, Костя. Первый — когда вышли замуж, второй — когда вернулись с похорон мужа. А между этим не снимали. Я всё равно купила. Потому что знала, кому сдам дальше. Людям нужно не платье, а чтобы никто не подумал, что у них нет платья.

— И ты хочешь сказать...

— Я хочу сказать: пусть барышня придёт сама. Посмотрю, что у неё под словами.

Костя улыбнулся. Клавдия немедленно погрозила ножницами.

— Я ещё не согласилась. И Трофима найди. Если эта твоя девочка вздумает прыгать из окна, кто её ловить будет?

— Двадцать пять лет.

— В моём присутствии это не довод.

Трофим нашёлся у мебельного склада. Его было легко увидеть поверх шкафа, который трое рабочих безуспешно пытались внести в дверь. Он стоял сбоку и ждал, когда его попросят.

— Трофим Андреевич! — позвал Костя.

Трофим поднял руку, не оборачиваясь. Потом сказал людям у шкафа:

— Поставьте.

— Да сейчас пройдёт.

— Вы дверь несёте вместе с ним.

Верхняя петля действительно начала отходить от косяка. Рабочие опустили шкаф. Трофим вынул из кармана полоску кожи, обмотал ею ладонь, просунул пальцы под нижний край и повернул тяжесть на угол. Один из рабочих придержал дверцу шкафа, другой поднял противоположную сторону. Через минуту вещь оказалась внутри, а всем стало неловко оттого, что понадобилось так мало движения.

Хозяин сунул Трофиму монету.

— Я тебе говорил: надо плечом.

— Ты мне говорил: отойди.

Трофим убрал монету и подошёл к Косте. Он был не столько огромен, сколько неудобен для тесного места: плечи, локти, спокойный широкий шаг. На левом ухе кожа сморщилась старым борцовским узлом. Когда-то на афишах его называли «Волжским медведем»; Костя однажды пририсовал к фотографии настоящую медвежью лапу, но Трофим велел убрать. У него, сказал он, свои руки есть.

— Опять снимать? — спросил он.

— Есть предложение.

— Драка?

— Нет.

— Я после прошлой сказал.

Прошлой драки не случилось. Костя попросил Трофима постоять возле стола, пока он взыскивал плату за шесть карточек. Заказчик посмотрел на борца и заплатил за восемь; Костя уже собирался принять удачу, когда Трофим отсчитал лишнее назад. После этого фотографу пришлось заново объяснять собственную цену, что было неприятнее самой ссоры.

— Никого пугать не нужно, — сказал Костя. — Девушка сама хочет на несколько дней исчезнуть. Богатая. Заплатит.

— Куда исчезнуть?

— Об этом поговорим у Клавдии.

Трофим оглянулся на склад.

— Сейчас ещё комод.

Костя подождал. За это время хозяин успел дважды спросить, не может ли он помочь, а потом поручил ему держать дверь. Из будущей тысячи он ещё ничего не получил, зато первую мозоль уже заслужил.

* * *

Агния пришла за портретом вскоре после полудня. Костя успел отпечатать две карточки: одну приготовил для неё, вторую оставил на столе, не решив, стоит ли предлагать образцом. Снимок получился лучше, чем он ожидал. На нём не было ни обиды, ни показного своеволия. Молодая женщина просто смотрела на человека перед собой и ждала, сумеет ли он сделать обещанное.

Она долго рассматривала карточку.

— Вы ничего не убрали?

— Пыль со стекла.

— А здесь?

Она показала на тень возле рта.

— Это свет так лёг.

Агния приблизила портрет к глазам и опять отодвинула. Костя почувствовал желание оправдаться, хотя она ещё не сказала ни одного недоброго слова.

— Я могу немного смягчить.

— Не надо. Мне нравится.

Ему вдруг стало жарко. В похвале не было ничего необычного, но прозвучала она ровно, без снисхождения к дешёвому павильону, и он обнаружил, что ждал именно этого.

Она заплатила рубль за заказанную карточку. Вторую он оставил себе, сказав, что попробует другой оттенок печати; Агния не возражала. Он убрал её в ящик с готовыми работами, лицом вниз.

— Люди хотят с вами поговорить, — сказал он.

Она убрала портрет в сумку.

— Сейчас?

— Если вы ещё не раздумали.

— Нет.

Он запер павильон. По дороге она рассказала, что отец обещал ей восемьсот рублей. Костя не понял, почему после этого они всё-таки идут к Клавдии.

— Вместе с надзором тётки, — объяснила Агния.

— У тётки есть сыновья?

— Две дочери. Обе замужем.

— Тогда надзор опытный.

Она улыбнулась, но не поддержала шутку. Костя увидел, что вчерашнее решение не стало за ночь легче. От этого можно было отказаться самому. Он даже приготовил фразу: дело, мол,

выходит семейное, ему вмешиваться неудобно. Однако впереди уже показалась мастерская, и фраза осталась при нём.

Клавдия встретила Агнию без поклона, оглядела и попросила снять шляпу.

— Зачем?

— Чтобы поговорить с вами, а не с лентой.

Агния сняла. Трофим поднялся с единственного крепкого стула, уступая ей место. Сам остался возле печи. На коленях у него до этого лежала маленькая деревянная лошадь с отломанной ногой; он положил её на подоконник.

— Ваш ребёнок? — спросила Агния.

— Клавдиина соседка просила починить.

— У меня нет такой маленькой соседки, — сказала Клавдия. — У соседки сын.

Трофим кивнул, соглашаясь с уточнением, и разговор наконец добрался до дела.

Агния изложила замысел. Клавдия велела повторить место о возвращении. Трофим — место о письме. Костя заметил, что втроём они задают разные вопросы: он думал, как получить деньги; Клавдия — что будет говорить Агния дома; Трофим хотел знать, где она будет спать и кто понесёт вещи.

— Вещей немного, — сказала Агния.

— Женщины так говорят до лестницы, — ответил Трофим.

Клавдия вдруг потребовала показать ей руки. Агния протянула обе, раздражаясь всё сильнее.

— Я умею сама одеваться.

— Очень полезно. Костя, отвори.

В дверь стучала та самая клиентка, которая утром стала выше. Её платье висело готовым возле ширмы. Клавдия сняла его с крючка, бросила Агнии, сама шагнула к двери.

— Голубушка, вы пораньше. Сейчас барышня вам поможет примерить.

Агния осталась с чужим платьем в руках. Клиентка прошла мимо Кости, посмотрела на Трофима, подняла брови. Тот немедленно ушёл во двор. Костя последовал за ним, не дожидаясь просьбы, но Клавдия удержала фотографа за рукав и тихо сказала:

— Через заднюю дверь не уходи.

Он вышел на улицу и прислонился к стене. Через неплотно закрытое окно слышался недовольный голос клиентки: новая помощница застёгивает слишком туго. Агния ответила, что застёгивает там, где крючки. Клиентка возразила, что это не основание. Клавдия молчала.

Трофим принёс из двора короткую дощечку и нож.

— Помоги придержать.

Они занялись лошадиной ногой. Костя держал дощечку на колене, Трофим срезал лишнее. Из комнаты доносилось шуршание юбки. Агния сказала что-то слишком тихо, затем женщина неожиданно засмеялась.

— Что она там делает? — спросил Костя.

— Платье.

— Я слышу.

— Тогда зачем спрашиваешь?

Нога получилась короче остальных. Трофим осмотрел лошадь и отложил заготовку.

— Ещё сделаю.

— Можно остальные укоротить.

— Можно. Будет такса.

Костя засмеялся. Трофим не улыбнулся, но отвернулся слишком быстро, и по движению его щеки было ясно: он именно этого и добивался.

Клиентка вышла через четверть часа с платьем в свёртке. Агния появилась на пороге следом; одна прядь выбилась у неё возле виска, а на губах было выражение ошеломлённого удовольствия.

— Что вы ей сказали? — спросил Костя.

— Что у платья хорошая линия со спины. И попросила повернуться боком.

— А спереди?

— Спереди она уже сама решила, что хорошая.

Клавдия позвала всех обратно. Села на рабочий стол, хотя ещё утром запрещала Косте класть на него локоть, и вынула из волос булавку.

— Вот теперь можно говорить. Когда вам приказывают не по праву, вы злитесь. Но если видите, что дело настоящее, всё-таки делаете. Это сгодится. Только учтите, барышня: командовать нами одним своим происхождением не выйдет. Тут у каждого уже есть кто-нибудь, кто считает его должным.

Агния стояла посреди комнаты. Она могла обидеться на испытание и уйти; Костя даже решил, что так и будет. Но она взяла шляпу, аккуратно положила на край стола и спросила:

— Сколько вы хотите?

— Сначала — где вы будете жить, — сказал Трофим.

Клавдия показала на дверь за ширмой. Она снимала здесь две комнаты. В задней стояла её кровать и узкая кушетка; окна выходили в маленький двор. Клиенток туда не водили. Спрятаться на несколько дней можно было без гостиницы и любопытной книги постояльцев. Клавдия сказала это с сомнением: до сих пор она представляла затею чужим делом, а теперь в её спальню уже мысленно поставили чужую сумку.

— Я могу заплатить за неудобство отдельно, — начала Агния.

— Не надо всё сейчас покупать. Ещё не продали.

Она встала, открыла дверь и пропустила девушку. Костя остался с Трофимом. В задней комнате заскрипела кушетка; Агния проверяла, как на неё садиться. Клавдия объясняла, где умыться. Этот самый обыкновенный разговор действовал на Костю сильнее обещанной суммы: преступление начинало обрастать полотенцами.

Трофим поднял лошадь.

— Ты зачем полез?

— Ещё не полез.

— Уже привёл.

Костя посмотрел на закрытую дверь. Из-за неё донеслось:

— Утром воду сама принесу.

— А я когда проснусь, поищу, что ты залила.

Агния рассмеялась. Костя вдруг ясно представил три дня этой жизни: все рядом, никто не рассказывает ему, что пора искать серьёзное занятие, деньги впереди. Такое представление было ещё опаснее крыши.

Вернувшись, Агния назвала три тысячи. Клавдия переспросила, всем ли вместе. Получив ответ, отвернулась к открытому шкафу и долго переставляла там пустую коробку. Трофим спросил:

— Мне сколько?

— Тысячу, — сказала Агния. — Каждому. После возвращения денег. Двадцать могу дать сейчас, в счёт этой платы. На расходы.

— После получения, — поправил Костя. — Возвращать нам пока нечего.

Клавдия закрыла шкаф.

— У меня задаток за зимнюю мастерскую пропадает, — сказала она. — Не за эту. За другую. Уговорилась на год, часть внесла, а остальное не собрала. Хозяин уже нашёл следующую желающую. Пожалуй, я ещё не уступлю ей окна.

Она произнесла это почти буднично. Костя знал про задаток, но не знал, что срок близко. Трофим смотрел на Клавдию, будто собирался спросить, отчего она молчала; не спросил.

— Тысяча большая, — сказал он Агнии.

— Я знаю.

— За такую сумму не три дня спрашивают.

— А сколько?

— Это потом скажут.

Он положил лошадь и вытер ладони о брюки.

— Я согласен. Только бить никого не буду. Если кто меня бьёт — тогда другое. А пугать отца лично не пойду.

— Он вас и не увидит, — поспешил Костя.

— Ты не обещай за его глаза.

Агния вынула кошелёк. Деньги были приготовлены: шесть десятирублёвых билетов. Она положила их на освобождённый участок стола. Клавдия взяла два, Трофим — два. Костя несколько секунд смотрел на оставшиеся, затем убрал в карман.

В комнату влетела оса. Покружилась над булавками, села на стол возле кошелька Агнии. Трофим накрыл её пустой коробкой. Подсунул снизу картон, вынес к окну и выпустил.

— С завтрашнего дня, — сказала Агния.

Клавдия пересчитала свои двадцать и расправила купюры.

— Завтра опять в этом платье придёшь. И с пустыми руками. Сундучок свой спрятала — уже половину ярмарки предупредила.

— Мне нужны сменные вещи.

— Вещи у меня есть.

— Карандаши?

— Карандаши принеси.

Костя открыл дверь, чтобы проводить Агнию. Она прошла близко, почти коснувшись его плеча, и на мгновение подняла на него глаза. Теперь у них была общая тайна, приобретённая по двадцать рублей на человека. Он не знал, почему она показалась ему дороже тысячи.

Уже на улице Агния остановилась.

— А как я исчезну?

Костя посмотрел на толпу. Из прохода выносили длинную лестницу; люди расступались, ругались, тянули соседей за рукава. За несколько секунд место перед мастерской освободилось и снова наполнилось совершенно другими лицами.

— Я думаю, — сказал он, — нам не придётся особенно стараться.

Глава 4. Как пропадают люди

Утром девятнадцатого августа Агния долго искала карандаш, который всё время держала в руке.

Она открыла ящик, заглянула под листы, подняла с пола ленту и только после этого заметила деревянный конец у собственного запястья. Положила карандаш в сумку. Села. Ей хотелось рассердиться на кого-нибудь постороннего, но в комнате не было даже Федосьи.

Отец уже спустился в лавку. Вчера Агния принесла ему карточку, как обещала. Он рассмотрел, поднёс к лампе, сказал, что на снимке она слишком серьёзная, и поставил портрет на свой письменный стол. Утром карточка всё ещё стояла там, прислонённая к чернильному прибору. Агния увидела её, проходя мимо открытой двери. Рядом лежали счёт и тот самый рисунок петли, ради которого отец заплатил ей пять рублей.

Она почти вернулась.

Из лавки донёсся отцовский голос: кому-то объясняли, что заказывать вещь следовало не после того, как сломали прежнюю. Агния дослушала до конца, будто ей предназначалось продолжение. Потом пошла вниз.

Пётр Яковлевич стоял за прилавком. Возле него хозяйничал молодой подручный, переставляя коробки. Отец выдал покупателю свёрток, посмотрел на дочь и попросил застегнуть воротник.

— Уже застёгнут.

— Криво.

Она поправила брошь. Отец кивнул, удовлетворённый доступной ему частью порядка.

— К обеду?

— Постараюсь.

— Ты не старайся. Приходи.

Агния вышла на улицу. Сначала шла быстро, потом замедлила шаг, потому что быстрый поход показался ей признанием. Впрочем, никто на неё не смотрел. Двое мужчин спорили у ворот о пустой подводе. Мальчик с корзиной пытался обогнать женщину, которая несла перед собой зеркало и поэтому не видела ничего, кроме чужих лиц. Извозчик дремал на козлах, наклонив голову так низко, что борода почти легла ему на грудь.

На мосту было тесно. Агния держалась ближе к пешеходам, пропускала лошадей, подбирала подол возле грязных мест. От реки тянуло прохладой. Плавающий мост под тяжёлыми колёсами отзывался слабым движением; в промежутках между возами открывалась вода, на которой свет лежал длинными дрожащими полосами. Она привыкла переходить здесь и всё же теперь впервые подумала, сколько людей каждый день покидают один берег, не объясняя другому, куда они собрались.

На ярмарочной стороне Костя ждал возле торговца корзинами. Для человека, намеревавшегося не привлекать внимания, он выбрал неудачное место: продавец успел предложить ему всё от маленькой корзинки для грибов до такой, в которую мог бы сесть сам фотограф. Когда появилась Агния, торговец немедленно оживился.

— Вот для барышни и берите. Вдвоём надёжнее выбрать.

— Мы не вместе, — сказал Костя.

— Вижу, ещё не вместе. Так начните с подарка.

Агния прошла мимо. Костя догнал её у соседнего ряда, уже держа небольшую корзину.

— Зачем вы купили?

— Он держал меня с утра. Я выкупился.

— Почём?

— Двадцать копеек. Не смейтесь, товар хороший.

Она взяла корзину, осмотрела дно.

— Дешевле похищения.

Костя не улыбнулся. От этого и ей стало не до шуток.

— Ничего не случилось? — спросила она.

— Пока нет. Потому и спрашиваю: идём?

Агния вернула ему корзину.

— Идём.

Они не свернули сразу к мастерской. Костя попросил её купить какую-нибудь мелочь или хотя бы посмотреть товар: от дома она вышла без спутника, и знакомые не должны были запомнить, как он уводит её под руку. Он сказал это буднично, выбирая из слов самые обыкновенные, но Агния всё равно ощутила себя нелепо. Ещё вчера она могла идти здесь с любым человеком и спорить о цене любой вещи. Теперь приходилось изображать собственную прежнюю свободу.

Возле торговца лентами она задержалась. Пощупала край, выслушала цену, отказалась. Костя отошёл к медным изделиям. Сквозь щель между двумя самоварами она видела его плечо. Продавец лент взялся показывать ей новый оттенок синего, и на несколько минут Агния действительно забыла, зачем остановилась. Синий был хорош: не нарядный, чуть сероватый, словно в него вмешали вечерний воздух.

— Вам к глазам пойдёт, — сказал продавец.

— У меня карие.

— Тем более.

Она засмеялась и положила ленту. Покупка не требовалась. Но когда повернулась, Кости за самоварами уже не было.

Агния вытянула шею. В толпе качалась шляпа похожего цвета, однако под ней оказался совершенно чужой нос. По проходу несли на плечах свернутый ковёр; за ним шли два мальчика с деревянными колодками для сапог. Она пропустила их и почувствовала, как прежняя решимость уступает почти детскому гневу: её бросили посреди собственного похищения.

Из-за ковра показался Трофим.

— Не туда смотрите, — сказал он.

— Где Константин?

— Там. Ему старый клиент встретился.

Трофим кивнул в сторону. Костя стоял у края прохода перед господином в светлом летнем пальто. Господин держал его за пуговицу и явно не собирался отпускать.

— Мне идти с вами?

— Мне велено не ходить с вами. Только сказать, что можно.

— Куда можно?

— К Клавдии. Вы же знаете.

Агния знала. Пройдя несколько шагов, она оглянулась. Трофим уже отвлёкся на мальчика, уронившего одну из деревянных колодок; поднял её, догнал владельца и отдал. Ни один из её сообщников не вёл себя как человек, которому доверили исключительное событие. Возможно, именно это и делало событие убедительным.

До мастерской она добралась одна. Клавдия открыла дверь,пустила и сразу стала расспрашивать о брате.

— О каком брате?

— О твоём. Хорошо доехал?

Агния застыла. Из-за ширмы выглядывала тонкая пожилая женщина с булавкой во рту.

— Доехал, — ответила Агния. — Спасибо.

— Вот и славно. Ступай, переоденься с дороги. А вы, Анна Ефимовна, дайте рукав, я подержу.

Пожилая женщина спряталась за ширму. Агния прошла в заднюю комнату, закрыла дверь и прислонилась к ней спиной. Ей понадобилось несколько секунд, чтобы понять: Клавдия уже давно объявила её племянницей, и племянница успела обзавестись родственниками, которых сама ещё не знала.

На кушетке лежали синее хлопчатое платье, светлый передник и простая шляпа. Рядом стояла пара туфель. Агния села, сняла собственные. Новые оказались чуть свободнее в пятке и жёстче спереди. Она прошлась по комнате, прихрамывая, как человек, который не хочет признавать, что выбрал неудобную вещь.

Клавдия вошла без стука и сразу остановила её.

— Сними. В таких через час заплачешь.

— А что надеть?

— Свои. Обувь никто не нанимал тебя прятать.

— Вы принесли эти.

— Принесла. Увидела. Передумала. Полезное занятие, советую.

Она помогла Агнии с застёжками. Платье было чуть шире в талии. Клавдия прихватила лишнее сзади, велела повернуться и поправила передник.

— Брошь сними.

Агния коснулась каменья.

— Это не для богатства.

— Я вижу. Но у меня племянница без неё.

Камень легла в сумку к карандашам. Агния достала маленькое зеркало и вдруг обнаружила, что никакого нового лица у неё не возникло. Тот же рот, нос, брови. Только волосы лежали иначе и ворот не держал голову так прямо.

— Меня узнают, — сказала она.

— Кто знает — узнает.

— Вы же говорили, что платье...

— Платье помогает чужим пройти мимо. Родного отца им не обманешь. Если он войдёт, не начинай перед ним картавить.

Агния убрала зеркало.

Клавдия забрала серое платье и шляпу. Прежде чем повесить их в шкаф, вынула из кармана перчатки и передала хозяйке вещей. В этом движении было столько обыкновенного уважения к чужому добру, что Агния неожиданно успокоилась. Её не закутали, не связали, не заперли. Она стояла в тесной комнате, где пахло крахмалом, и всё ещё могла уйти.

— До вечера посидишь здесь, — сказала Клавдия. — Потом поглядим.

— Мне нельзя в переднюю?

— Можно. Только там работа.

— Мне и нужна работа.

Клавдия посмотрела на её руки.

— Тогда начни с воды. Во дворе бак, ведро возле двери. Не полное. Я уже однажды видела, как ты стараешься.

— Вы меня второй день знаете.

— А первое впечатление уже произвела.

* * *

Костю задержали ещё на полчаса. Старый клиент принёс карточку годовалой давности, на которой фотограф сделал ему усы гуще. Теперь господин требовал такого же результата для брата. Брат умер весной; от него остался единственный снимок, маленький, потёртый и снятый чужим человеком без всякого уважения к усам.

Костя слушал, держа в руках корзину. Его торопливость исчезла. Он объяснил, что с маленькой карточки не всё получится, что сходство надо беречь, что могут понадобиться несколько попыток. Господин перестал говорить о цене и начал рассказывать о брате: у того правый глаз при смехе шурился раньше левого, а шапку он носил низко, почти на бровях. Эти подробности нельзя было легко перенести на бумагу, но Костя не перебивал.

Когда они наконец условились встретиться в павильоне, он почувствовал усталость. Двадцать рублей лежали в кармане совсем рядом с деньгами за честные портреты. Отделить одни от других на ощупь было невозможно.

У мастерской его встретил Трофим. На плече борца сидел мальчик лет пяти и держался за волосы. Трофим одной рукой придерживал ребёнка, другой пытался показать Косте починенную лошадь.

— Нога теперь в меру, — сказал он.

Мальчик потянул его за ухо.

— Не за это, — спокойно попросил Трофим.

— А за какое?

— Лучше за шляпу. На ней не больно.

Костя снял собственную шляпу и надел Трофиму. Мальчик с удовольствием ухватился за поля. Из двери высунулась соседка, всплеснула руками и потребовала немедленно спустить ребёнка. Трофим присел; мальчик съехал с плеча прямо в материнские руки и тут же начал проситься обратно.

— Ты бы свой воз купил, — сказал Костя, забирая шляпу. — Все бы ездили.

— Куплю.

— На тысячу?

Трофим поднял лошадь за туловище.

— Двух настоящих. Воз. Сарай сниму. Одному плечами не навозишься.

— Сколько же ты ещё хочешь работать?

— Вот столько и не хочу.

Он передал игрушку мальчику. Теперь у лошади были четыре ноги, но новая отличалась цветом. Ребёнок немедленно поставил её на землю и повёз по пыли на боку, как тележку. Трофим некоторое время наблюдал за результатом своей аккуратности, затем махнул рукой.

В мастерской Агния пришивала крючок. На столе перед ней лежало платье, у которого Клавдия распорол бок. Новая племянница поднимала иглу высоко, долго искала остриём нужное место и сердито выдыхала, когда промахивалась. Костя поставил корзину на пол.

— Вас уже заставляют трудиться?

— Мне обещали совсем другое обращение в плену.

— Кушетку видели? Это лучшее, что мы предложили.

Она уколола палец и прижала его к губам. Клавдия отняла платье.

— На сегодня геройства хватит. Испачкаешь.

Костя хотел помочь, но Агния сама нашла в сумке платок. Он заметил камею среди карандашей и спросил, узнает ли её отец. Ответив, она сразу перестала возиться с пальцем.

— Для письма?

— Да.

— Возьмите.

— Пока оставьте у себя. Всё вместе приготовим вечером.

Она посмотрела в окно.

— Он уже ждёт к обеду.

— Вы говорили, что можете задержаться.

— Я сказала: постараюсь.

Клавдия подняла голову. Костя почувствовал, как в комнате разом потеснел воздух.

— Он всегда ждёт, — добавила Агния. — Я не всегда прихожу вовремя. До вечера ничего не будет.

Она сказала это решительно. Ему хотелось принять решительность за знание, и он почти принял. Только Клавдия ещё несколько мгновений не опускала глаз.

— Вечером письмо у него должно быть, — произнесла она. — Не завтра утром.

Костя кивнул. Человека для доставки он уже выбрал, хотя ещё не успел с ним поговорить. Влас Чекмарёв устраивал чужие поручения на ярмарке и несколько раз выручал его с готовыми работами: находил покупателя, когда тот уезжал из гостиницы, пересылал карточки, принимал небольшую плату. В прошлом году через Власа прошли восемнадцать рублей; тот вернул все, не удержав даже обещанной комиссии, потому что заказчик заплатил ему отдельно.

Восемнадцать рублей были хорошим воспоминанием. О других суммах Костя пока не думал.

— Я отнесу до сумерек, — сказал он.

Агния взяла с колен платье, которое Клавдия успела ей вернуть после осмотра пальца. Снова вдела нитку. На этот раз попала сразу и обрадовалась так открыто, что Костя на минуту забыл о письме.

Во дворе загремело ведро. Трофим вошёл с водой и поставил у двери; Агния поблагодарила, а он сказал, что бак тяжело наклонять, когда на дне мало. Никто не заметил, как исчезновение окончательно стало домашним: четыре человека занимались тремя небольшими делами, ожидая, что вечером начнётся главное.

* * *

После обеда пошёл дождь. Он не разогнал ярмарку, только прибавил ей запахов: мокрые доски, лошади, прелая верёвка, горячая еда под навесами. Клавдия закрыла наружную дверь, оставив верхнюю створку открытой, и Агния села у порога смотреть на проходящих. Синий подол она спрятала под стулом; на коленях лежала бумага.

Рисовать чужих людей оказалось труднее, чем кувшин. Люди уходили прежде, чем она находила линию плеча. Трофим стоял во дворе под навесом, но его уже рисовать не хотелось: он сразу выпрямлялся и делал такое лицо, словно ему должны были выдать медаль за неподвижность.

Агния выбрала старуху с грибами. Та остановилась у соседней двери, подтянула мешковину на корзине, и за это время удалось поймать её сгорбленную спину и запрокинутый подбородок. Старуха заметила карандаш, спросила, не в газету ли. Агния сказала, что для себя. Старуха велела показать и долго разглядывала.

— Хорошо, — решила она. — Только грибов прибавь.

Агния прибавила. Получив рисунок, старуха подарила ей два маленьких гриба и пошла дальше, прижимая лист к груди, чтобы не замочить.

Клавдия посмотрела на подарок.

— С почином. У нас так и начинают: сперва натуральная плата, после долги.

— Это я сама отдала.

— Тогда будет труднее переучиться.

Агния достала из сумки чистый лист, положила на колени, а грибы — в купленную Костей корзинку. Они потерялись на её дне. Клавдия заглянула и рассмеялась; смех был низкий, неожиданно молодой. Агния тоже засмеялась и в этот миг увидела за открытой створкой знакомую голову.

Никанор шёл под дождём без зонта. Шляпа потемнела, вода стекала с полей на плечи. Он оглядывал вывески, задерживаясь перед каждой, и двигался прямо к мастерской.

Агния перестала смеяться. Прежде чем успела спрятать лист, приказчик увидел её.

Он остановился.

Она уже знала, что надо сказать: заходила к портнихе, платье примеряла, домой сейчас. Можно было вернуться, мокнуть под дождём рядом с Никанором, ругаться на себя за шесть розданных бумажек. Дверь оставалась открытой.

Но Никанор смотрел не на неё. Его взгляд скользнул по синему платью, переднику, короткому карандашу в пальцах и задержался на Клавдии.

— Мужские жилеты переделываете? — спросил он.

— Переделываем, — ответила Клавдия. — Только теперь завтра. На сегодня всё.

Никанор кивнул. Поднял воротник и пошёл дальше.

Агния сидела неподвижно, пока его шляпа не скрылась. Только тогда перестала сжимать край листа. Клавдия подошла, взяла её за плечо и отвела от двери.

— Знакомый?

— Отцовский приказчик.

— Узнал?

— Не знаю.

Сейчас она поняла разницу между этими словами и желанным «нет». Клавдия не стала её утешать. Закрыла верхнюю створку, и в комнате стало темнее.

Снаружи кто-то позвал продавца горячей еды. Загремели колёса. Ярмарка продолжала пропускать сквозь себя людей, и один из них только что унёс с собой Агнинный вечер, хотя сам мог ещё этого не знать.

Глава 5. Кровать с ценником

Когда Костя вернулся, Клавдия уже снимала платье с манекена. Агния стояла рядом в переднике и держала пустые рукава. По тому, как обе молчали, он понял: за время его отсутствия произошло нечто, для чего ему приготовлена особая доля вины.

— Что?

Клавдия объяснила.

— Почему он про жилеты спрашивал? — сказал Костя.

— Потому что мы здесь шьём. Удивительно, да?

— Я понимаю. Он мог узнать и сделать вид...

— Мог.

Агния вытащила передник из-под платья, которое держала.

— Он меня не окликнул.

— Это мы все поняли, — ответила Клавдия. — Он тебя не окликнул. А теперь сядь и перестань тащить мне рукав. Тут шов ещё не закреплён.

Костя посмотрел на часы. До вечера оставалось время, но оно вдруг стало принадлежать не им одним: приказчик мог идти домой, мог искать зонтик, мог уже рассказывать Петру Яковлевичу о странном сходстве портновской помощницы с его дочерью. Костя вообразил Шелехова на пороге мастерской и не нашёл для себя ни одного подходящего занятия.

— Ещё можно закончить, — сказал он Агнии. — Сейчас оденетесь, пойдёте домой. Письмо мы не отправили.

Она подняла подбородок.

— Вы хотите отказаться?

— Я хочу, чтобы сюда не пришёл ваш отец.

— А если он не придёт?

— Тогда мы очень глупо провели полдня и потеряли несколько рублей. Бывает.

Трофим стоял у входа и смотрел на Агнию. Не кивал Косте, не поддерживал её. Она теребила тесёмку передника, намотала конец на палец и не сразу заметила, что от этого стянуло талию.

— Вы обещали мне помочь, — сказала она.

Клавдия забрала у неё тесёмку, расправила.

— Мы и помогаем. Выход показываем.

Агния отвернулась к стене. На ней висела выцветшая модная картинка: три женщины гуляли в саду, не замечая, что одна из них стоит ногой на чужой тени. Она долго рассматривала их, потом повернулась.

— Я хочу продолжать. Но здесь оставаться нельзя. Это я понимаю.

Костя почувствовал облегчение и тут же рассердился на себя за него. Ему только что предложили удобное основание уйти, а он уже начинал искать новое место.

— У меня можно, — сказал Трофим.

Все посмотрели на него.

— Где именно? — спросила Клавдия.

— При складе. Комната над конторкой.

— У тебя там даже стола нет.

— Внизу есть двадцать.

Костя засмеялся. Смех получился слишком громким, но помог: мастерская снова стала комнатой, в которой можно двигаться.

Трофим жил при мебельном складе, куда утром носил шкафы. Хозяин позволял ему занимать маленькую комнату наверху за ночной присмотр и часть погрузок. За домом нахо-

дился двор с отдельными воротами; пройти туда можно было, не показываясь перед покупателями. Хозяин знал Клавдию: она несколько раз помогала ему продать старые мягкие стулья, обтянув их свежей материей.

— Только Прохору Ильичу я врать не стану, — сказал Трофим.

— Это ты поздно вспомнил, — заметила Клавдия.

— Про комнату скажу, что вам надо переночевать. Почему — ты скажи.

— Удобный человек. Сам честный, а работу мне.

Она сняла с крючка тёмный платок и достала из шкафа Агниины вещи. Свернула платье, вложила внутрь шляпу, обернув лентой, и завязала всё в полотнище. Агния потянулась помочь; Клавдия велела сперва снять передник. Косте досталась корзина с двумя грибами.

— Это тоже прячем? — спросил он.

— Это наш заработок, — ответила Агния. — Берегите.

Они вышли не одновременно. Клавдия сперва закрыла мастерскую и повесила записку, что ушла по делу. Трофим отправился к складу. Агния выждала несколько минут и пошла следом за портнихой. Костя остался на перекрёстке: ему хотелось увидеть Никанора, если тот вернётся, хотя он не знал, что станет делать при такой встрече. После дождя на мостовой стояли неглубокие лужи; в них отражались обрывки вывесок, и люди наступали на золотые буквы, не глядя под ноги.

Никанор не появился. Костя постоял ещё, выругал собственную нерешительность и пошёл к себе за портретом и бумагой.

* * *

Комната Трофима оказалась меньше Клавдиной, но недостаток места возмещался обилием чужой мебели внизу. С верхней площадки лестницы Агния видела шкафы, комоды, столы, целую стену кроватных спинок. Они стояли так тесно, будто все жильцы большого дома ушли разом, прихватив с собой только стены.

На кровати лежало грубое одеяло. Трофим снял его, принёс чистую простыню, долго расправлял край. В комнате ещё находились умывальник, ящик вместо тумбы и две чашки, одна с отколотой ручкой. На гвозде висела цветная афишка: молодой человек в борцовском трико смотрел с неё на мир с таким гневом, словно уже знал размер будущего гонорара.

— Это вы? — спросила Агния.

— Я.

— Очень сердитый.

— Велели.

— А если бы улыбались?

Трофим разгладил угол простыни.

— Сказали, зритель не боится. Зачем ему смотреть, как добрый человек другого доброго валит.

Агния наклонилась к афишке. Фамилия внизу была его собственная, а прозвище обещало публике больше зверства, чем он смог бы дать за целый вечер. Рядом кто-то от руки дописал дату. Бумага потемнела, но по сгибам ещё сохранялся прежний яркий цвет.

— Вы выиграли тогда?

— Во втором выходе.

— А в первом?

— Сказали, надо проиграть.

Он произнёс это без обиды, будто рассказывал о порядке переноски шкафа. Агнии вдруг стало жалко эту афишку: на ней человек обещал драться до последнего, а сам уже заранее знал, когда упадёт.

Внизу заговорили. Клавдия объясняла Прохору Ильичу, что племяннице нужна тишина. Хозяин спросил, от кого. Клавдия ответила: от родни. Агния едва не рассмеялась.

— А ты ей кто? — поинтересовался хозяин.

— Полезная часть родни.

Он пожелал познакомиться с барышней. Трофим позвал Агнию вниз. На середине лестницы она остановилась, давая глазам привыкнуть к полумраку. Между шкафами стоял сухой маленький человек с раскрытым карманным ножом; на острие держался кусок груши.

— Аглая? — спросил он.

— Агния.

— Редкое имя. Документ при тебе?

Она замерла, потом кивнула. Паспортную книжку, приготовленную ещё для возможного обычного отъезда, Агния носила в сумке с того дня, когда получила письмо Марии. Дома о книжке знали; отец не прятал её и не запрещал брать. Сейчас она была благодарна ему за это так не вовремя, что едва не растерялась.

— При мне.

— Ну и хорошо. Если спросят, предъявишь. Я безымянных не держу. Трофим за тебя отвечает?

— Отвечаю, — сказал Трофим прежде неё.

Прохор Ильич съел грушу. Агнии хотелось отойти подальше от ножа, который хозяин держал не угрожающе, а просто слишком свободно, размахивая им вместе со словами.

— На ночь оставайтесь. Только внизу не курить, лампы меж ящиков не таскать. Клавдия знает. И ничего не покупать до утра — я после ужина добрый, потом жалею.

Он поклонился им своим странным коротким поклоном и ушёл через конторку. Трофим запер за ним дверь, вернулся и предложил Клавдии выбрать кушетку. Она перебрала три и остановилась на самой узкой.

— Вот эту наверх поднимем.

— Не пройдёт.

— Ты ещё не пробовал.

— Я её сюда привёз.

Клавдия посмотрела на лестницу.

— Тогда мне здесь поставь. За шкафами. Только ценник сними, а то ночью унесут с выгодой.

Агния помогла ей отодвинуть лёгкий стул. Костя пришёл, когда они устраивали место между двумя высокими гардеробами. При виде приготовленной кушетки он снял шляпу.

— Вы уже решили остаться навсегда?

— Мы только начали искать удобства, — ответила Клавдия. — Трофим, подвинь правый край.

Борец потянул кушетку. Один гардероб стоял чуть вперёд другого; Клавдия протиснулась между ними, проследила, чтобы ножка не зацепилась, и удовлетворённо кивнула. Получилась комната без крыши, зато с двумя дверями, которые никуда не вели.

Агния засмеялась. Смех пробежал по складу и вернулся слабым деревянным отзвуком. Костя поставил корзину на комод, прислонился к столу. После сумрачной улицы он выглядел помятым, но довольным. Наверное, тоже почувствовал, что здесь их никто сразу не найдёт.

— Что у вас? — спросила Агния, увидев плоский свёрток.

Он развернул бумагу. На ней лежали чистый лист, перо и второй её портрет.

— Зачем снимок?

— Подумал, что надо показать вам ещё раз. До того как писать.

Агния взяла карточку. В слабо освещённом складе её собственное лицо казалось светлее и спокойнее, чем было сейчас. Она вспомнила отцовский стол, первый отпечаток возле чернильницы.

— Можно на обороте? — спросила она.

— Что?

— Написать. Чтобы он перевернул и увидел меня.

Костя не сразу ответил.

— Он этот снимок уже видел.

— Я знаю. Так он вспомнит, что всё хорошо.

Клавдия, расправлявшая простыню на кушетке, остановилась. Агния встретила её взгляд и опустила глаза.

— Ладно, — сказала она. — Не хорошо. Что я жива. Напишу своей рукой. Он поймёт.

Трофим принёс столик и поставил у конторского окна, где оставалось больше света. Костя достал маленькую чернильницу, проверил пробку. Столик оказался шатким; Агния придержала его коленом, и перо всё-таки провело на бумаге пробную волнистую черту.

— Трофим, он качается.

— Потому и не купили.

Борец подсунул под ножку щепку. Агния взяла карточку, перевернула и начала писать. Буквы сперва получились слишком крупными; она остановилась, прикинула оставшееся место и продолжила мельче. Костя стоял у другого края стола. Его отражение в окне ложилось поверх ящиков во дворе, и от этого казалось, что он одновременно здесь и уже ушёл.

«Папа, я жива и здорова. Со мной обращаются хорошо. Меня отпустят, если ты отдашь двенадцать тысяч рублей. Пожалуйста, сделай всё, как написано на отдельном листе. Не обращай к полиции: это только помешает моему возвращению. Посылаю тебе мамину брошь. Не сердись на меня. Мне очень хочется домой. Агния».

Последнюю фразу она написала без раздумья. Потом прочла и не зачеркнула.

— Покажите, — сказал Костя.

Агния протянула ему карточку. Он осторожно взял за угол, прочёл, подержал ещё немного. Клавдия подошла и заглянула через его плечо. Никто не поправил ни одного слова.

Свои условия Костя написал на отдельном листе. Двенадцать тысяч следовало принести завтра, двадцатого августа, ровно в четыре часа пополудни к задним воротам посудного склада Бородина. Агния знала это место: отец несколько раз забирал там упаковочные ящики. Позади склада проходили рабочие, но у ворот не толпились покупатели; Трофим мог принять свёрток и уйти, не толкаясь. Костя собирался ждать неподалёку. К вечеру обещали отпустить дочь. Имена они не ставили.

Когда он прочёл написанное, Трофим покачал головой.

— Сказано, отец меня не увидит.

— Ты возьмёшь и уйдёшь. Пугать его не нужно.

— Увидит.

Костя прикусил губу. Собственное обещание, данное вчера с лёгкостью, теперь стояло поперёк дороги, как слишком широкий шкаф.

— Да. Увидит. Я зря сказал.

— Тогда бери сам.

— Он может меня узнать. Я у него замок приценивался.

— А меня запомнит.

Агния подняла глаза от портрета. Костя встретил её взгляд и опять повернулся к Трофиму. Её вмешательства он, по-видимому, не хотел.

— Я стану рядом, — сказал он Трофиму. — Если заговорит, выйду. Ты только возьмёшь свёрток. Никаких слов от тебя не нужно.

— И обойдёмся без усов, — добавила Клавдия. — У него лицо такое, что наклеишь усы — только прибавишь приметку.

Трофим посмотрел на неё, потом на Агнию.

— Если не отдаст — не вырываю.

— Конечно, — сказала Агния.

— Не тебе одному говорю, — добавил он, обращаясь к Косте.

Тот кивнул. Впервые за этот день они договорились о действии, которое никто не мог назвать лёгким.

Агния вынула брошь. Положила белым профилем вверх, затем повернула, показывая старую починку застёжки. Костя завернул её в кусочек мягкой ткани. Дождались, пока карточка высохнет. Вместе с отдельным листом он убрал всё в плотный бумажный пакет и заклеил. Агния надписала имя отца и адрес. Она сделала это ровнее, чем письмо: адрес ни в чём её не обвинял.

— Кто понесёт? — спросила она.

— Человек, которого найдёт мой знакомый. Он здесь поручения устраивает. Я уже пользовался.

— А почему не сами?

— Ваш отец знает, у какого фотографа вы были. Трофим остаётся для завтрашнего свёртка. Клавдии лучше побыть с вами. Если начнут расспрашивать посыльного, он сможет назвать только заказ на доставку.

— И вас, — сказала Клавдия.

Костя убрал пакет во внутренний карман.

— Знакомый назовёт, если захочет. Совсем без людей у нас не выйдет.

Агния уже слышала в этих словах щель, которую нельзя закрыть новым платьем. Сказать «я не хочу» было ещё возможно. Она могла отнять пакет, разорвать, поставить карточку дома рядом с первой, и тогда отец увидел бы только второе спокойное лицо дочери. Но Костя стоял перед ней с застёгнутым пиджаком и ждал.

— Отнесите, — сказала она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.